

Женькины Сказки

Евгения Хамуляк

ЛУЧШИЕ СКАЗКИ АВТОРА

#марафон
сказок

Евгения Хамуляк

Женькины сказки

«Издательские решения»

Хамуляк Е.

Женькины сказки / Е. Хамуляк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968906-1

Евгения Хамуляк — молодая русская писательница-сказочница, организатор марафона сказок, затеи для счастливых людей, который подарил всем мечтателям и выдумщикам на свете шанс сделаться настоящими писателями, написав свою первую сказку, издав свою первую книгу. Перед вами ее сказки, придуманные в рамках трех марафонов. Выпущено три волшебных сборника. «Седьмое небо». «Мятные баранки». «Бабушколюбие». Приятного чтения!

ISBN 978-5-44-968906-1

© Хамуляк Е.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
«Великая миссия Любы»	8
«Магазинчик мадам ФуФу»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Женькины сказки

Евгения Хамуляк

Иллюстратор Ася Батурина

Иллюстратор Юлия Котлярова

© Евгения Хамуляк, 2019

© Ася Батурина, иллюстрации, 2019

© Юлия Котлярова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8906-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Мои сказки нравятся не всем. Они не похожи на хороших собак или котиков, которые умиляют даже тех, у кого аллергия на шерсть. Скорее напоминают ежей. Да, ежей! Смешных, странных монстриков с иголочками, которые могут испугать и даже уколоть. Вот такое сравнение! И тут сразу же, держа книгу в руках, вы можете определиться, нравятся ли вам ежики? Хотя, если честно, в книге нет ни одного упоминания об игольчатых крысках, потому что главными героями становятся сами приключения, в которые готовы отправиться некоторые смельчаки, поверившие мне на слово, что будет невероятно интересно и увлекательно, а местами, даже страшно.

И вот однажды на горизонте появляется такой читатель или читательница, подбирающие книгу для себя... Это похоже на то, будто мы встречаемся на берегу одной маленькой, но резвой речки, где стоит привязанной небольшая, но крепенькая лодочка для одного гребца. Это моя лодочка, ее я придумала только что и сдаю внаем тем, кто хочет отправиться в дальнее или короткое, но очень необычное приключение, где все будет не так, как всегда... Каждому предстоит через сказку, скрытое волшебство, знаки судьбы увидеть события своей жизни. Обещаю, нечто затронет вас в этих историях, и даже покажется, что они написаны про вас. А может быть, сказка не откроет вам свои секреты, и вы ничего не поймете... Я давно заметила, что мои герои живут своей самостоятельной жизнью и не все читатели приходят к ним по душе... Вот так!

– Но на что это будет похоже? – спрашивает тот, кто пришел, и медленно, пока неуверенно, перебирается в лодочку, беря из моих рук веревку.

Я загадочно качаю головой.

– Не скажу. Это сюрприз! Все, что ты прочтешь и представишь у себя в воображении, все равно не будет походить ни на мои описания, ни на впечатления других читателей. Эти сказки как квесты – все зависит от твоей смекалки, фантазии, чувствительности и готовности понять и разгадать мои загадки. Лучше даже не спрашивай...

Сзади доносится какой-то гул, можно подумать, что это страшный рев какого-то монстра, а также слышится шум большой реки, наверное, туда впадает эта резвая речушка. Мурашки бегут по коже! Мы понимаем, это сама книга призывает окунуться в приключения, ей не терпится через тебя заново прочесть свою историю, увидеть ее теперь твоими глазами...

Ты волнуешься и даже намереваешься прыгнуть с лодки, думаешь: а оно мне нужно?! Какие-то монстры? Может, лучше вернуться к ежикам? Они понятные и простые.

В этот момент я смело отталкиваю лодку, речка весело хватает ее в свои бурлящие потоки и резво уносит вглубь.

– Не бойся! – кричу я, приложив руки к губам, потому что шум большой реки заглушает все. – Мои сказки всегда заканчиваются хорошо! Я буду ждать тебя здесь. До свидания...

– Н-и-я... – последнее, что слышишь ты, уже забывая обо мне. Ведь маленькая синяя речка просто влетает в бурные, клокочущие черные воды зовущей истории... и уже через мгновение теряются очертания берегов и сквозь белый туман, укрывающий черное бездонное море, проступает гигантская скала, издали похожая на огромную голову... Голову куклы.

– Долли... – говоришь ты себе, ошеломленно прозревая.

И гигантская фарфоровая башня улыбается в ответ, приветствуя и медленно открывая красный громадный рот-ворота, впуская шумные воды вместе с крошечной лодочкой и тонкой смелой фигуркой внутри.

Я стою на берегу и немного волнуюсь.

Меня зовут Евгения Хамуляк и я поставила себе грандиозную, но выполнимую задачу возобновить интерес к сказкам всех читающих и размышляющих людей на свете! Но это не все. Грандиозность так же состоит в том, чтобы прославить через свои произведения мою дорогую и любимую родину на тысячи световых километров вперед, назад, а также желательно вправо и влево. По дороге найти себе множество друзей и единомышленников, попытаться вдохновить этих смельчаков на творчество. И, самое главное, заставить поверить в существование другой сказочной реальности, которая находится так близко, что даже трудно себе представить. В нас самих! Там живут мириады наших фантазий, полные магии и волшебства, которые по сути являются всего лишь не изученными законами физики и естествознания... Чтобы в один прекрасный день сказку сделать былью! Грандиозной и выполнимой.

«Великая миссия Любы»

Посвящается моей собаке Любе, действительно очень красивой собаке с человеческими глазами. Уход за брошенным, испуганным животным сделал меня, как человека, лучше.

Этой сказкой мне бы хотелось поделиться с теми, у кого доброе сердце. Жила-была на свете одна собака, и кому-то взбрело в голову назвать ее Любой. На самом деле за этим стояла романтическая и немного трагическая история.

Виктору Семеновичу, трудившемуся инженером на заводе стали и сплавов, предложил взять дворового щенка коллега, приговаривая, что хоть тот и не породистый, да шибко красивый народился. А Виктор Семенович как раз подумывал над подарком своей дорогой жене Любови Геннадьевне, которую крепко любил и, как мог, радовал разными подарками по случаю и без, отчего та в нем души не чаяла. И хоть в паре они давно пережили горе, утрату сына и невозможность иметь больше детей, решили остаться лишь вдвоем, посвящая весь досуг любимой даче и редким поездкам на море и в горы. И вот на даче, которая хорошела раз от разу от умений и стараний Виктора Семеновича и его замечательной хозяйственной жены Любови, понадобился-таки помощник и охранник.

Охранница. Виктор Семенович назвал ее Любой в честь жены и в красивой коробке принес после работы, укладывая в руки счастливой, плачущей от радости именинницы, которая напрочь забыла о том, что с детства имела аллергию на животных. Однако вид милого щенка просто ослепил Любовь Геннадьевну, что она забыла про все на свете.

Люба и в самом деле была удивительна хороша: смесь каких-то гончих пород дала собаке длинные стройные ноги, умные ищейки-прародительницы подарили красивую правильной формы голову. Ну и непонятно, кто и как одарил собачку выразительными, словно бы человеческими, огромными голубыми глазами с пушистыми девичьими ресницами.

– Человеческие! – твердили слева.

– Ну просто человеческие! – кричали в восторге справа.

– Подумать только, глаза-то как у человека! – не могли успокоиться третьи.

– Это ж надо, взгляд-то какой осмысленный, будто человеческий! —хлопали в ладоши четвертые под умильные улыбки добропорядочной семьи, гордо гуляющей с Любой по местным окрестностям.

Виктор Семенович не один час, напялив очки по самые уши, сидел перед компьютером, высматривая эту аномалию на кинологических форумах. Связывался со знающими людьми. Уж больно аномалия была аномальной. И наконец разгадка, вполне себе логическая, но очень уж мистическая, нашла ум Виктора Семеновича. Генетики утверждали, что между волком и человеком, несмотря на внешнее различие, имеется много общего. Не меньше, чем с шимпанзе. Когда-то, говорили особенно убежденные, человек и волк явно имели общего предка, именно поэтому до сих пор рождаются люди, так похожие на волка, обросшие шерстью, с волчьей пастью... А порой вся схожесть проявляется в дикой ярости и хитром уме хищника. И Виктор Семенович верил, что Люба пришла к ним не просто так. Часто, глядя на нее, на ее действительно осознанный взгляд, он отводил свои глаза, не в силах долго смотреть на одушевленную собаку.

– Витя, это лучший подарок, который ты мне только мог сделать! – растроганная жена обняла невероятно счастливого и гордого мужа. И чихнула. Потом еще раз и еще раз.

Но трагедия, которая случилась только через год, не имела отношения ни к собаке Любе, ни к аллергии Любови Геннадьевны, которая на седьмом десятке еще очень красивой, ухожен-

ной интеллигентной дамой отправилась спать, намазав руки питательным кремом по самые локти, уснула сном ангела и больше уже не проснулась.

Такую сонную и умиротворенную запомнил ее Виктор Семенович, не в силах более думать ни о чем, кроме ушедшей жены. И поэтому на сорок первый день после смерти любимой, он отвел Любу в ближайший приют, больше не глядя ни в ее человеческие, полные сострадания и печали глаза, ни в свои, виня ее и себя за глупый подарок и трагическое стечение обстоятельств.

То, что Любовь Геннадьевна ушла из жизни, потому что ее волшебный песок в хрустальном безвременном часе истек, чтобы слиться с песком утраченного сына, Виктор Семенович узнал, только когда встретился с любимой супругой и дорогим сыном, которые все ему рассказали. Это случилось через два года. Не так много, но и не так мало для душ одинаковых словно половинки одного апельсина. Взявшись за руки, половинки двинулись дальше по зигзагу, который никогда не начинался и никогда не закончится. Поэтому печали и горести испарились в безвременье, ведь здесь каждый понимал, что одной жизнью путь не заканчивается, а является лишь чередой встреч и расставаний...

Их часы, дав несколько оборотов вокруг своей оси, начали новый отсчет, в этот раз менее трагичный. Пока шестеренки крутились, а хрустальные песчинки падали, – зрелище волшебное и радующее каждый раз по-новому – Виктор Семенович узнал, а точнее, вспомнил, что, во-первых, собачка Люба не была виновата в смерти хозяйки. И успокоился. И во-вторых, у собак и у человека действительно имелся общий предок, именно поэтому многие хозяева относятся к питомцам порой лучше, чем к соседям. Но это была уже совсем другая история... Перед тем как отправиться в новое путешествие под руки с любимыми, Виктор Семенович попросил прощения у Любы и пожелал ей удачи на прощанье. А удача ей ой как пригодилась.

После того как собаку с человеческими глазами отвели в питомник, у нее началась тяжелая собачья жизнь. То ли предок сильно испортил судьбу всем песьим, то ли жизнь собак сама по себе несправедлива, то ли у жизни, человеческой или собачьей, совсем нет никакого смысла, Люба додумать не могла. Жизнь замкнулась в один большой день, который никогда не заканчивался, и где постоянно приходилось держать ухо востро.

Но не все было так плохо. Пожелание удачи от бывшего хозяина принесло Любе по-настоящему удачное соседство. В бетонно-железных камерах, два на два по нормативу, содержалось по две собаки. В питомнике, который, к сожалению, являлся муниципальным, не таким богатым, как те, что настроили добросердечные богачи, – а такие тоже встречаются в наше время, хотя все твердят, что мир катится в тартарары, – работали люди, от собачьей никчемной жизни устроенные мыть и кормить своих собратьев в волчьем обличье, в назидание о том, что их ждет буквально в следующей жизни. И от такой картины их умы и сердца, а также руки и ноги не горели желанием продлить или осчастливить жизнь своих визави. Поэтому жизнь в питомнике ждала жесткая, волчья: утром холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры, потом скудный обед, потом долгое лежание до следующего утра в любую непогоду, где ждал холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры. Прогулок не предполагалось. Для этого роскошества не имелось ни персонала, ни территории. Самыми страшными днями приходились понедельники, когда собачий патруль привозил новеньких. И тогда, если мест не хватало, к волкам, голодным и озверевшим, подсаживали больных и уже не чаявших выйти на волю помертвевших от страха собак. Таким образом решались вопросы и места и пропитания. Такими же страшными были дни ревизии. Если за два года пребывания на этом «курорте» собаку так и не забирал редко заходящий зевака с добрым сердцем, ее тоже скормливали голодным троглодитам-соплеменникам.

Конечно, ни Люба, ни Искра – так звали собачку-терьера, компаньонку по камере, – не имели ни малейшего понятия ни о понедельниках, ни о ревизиях, ни о личных трагедиях

работников муниципального питомника, они не знали и причины, почему оказались в этом аду. Но животные, в отличие от людей утратившие интеллект, сохранили то, шестое, а может, седьмое и восьмое чувства, предугадывая грядущее плохое по ветерку, по сгущению свинцовых тучек над клеткой их дома. Рассказывая друг другу о чувствовании по дрожанию испуганных ушей, по особому блеску глаз, по истошному вою накануне беды.

Так Люба прожила почти два года, все больше предчувствуя, как ее дни на этой земле подходят к концу. И больше всего боялась она потерять Искру. Несмотря на голод, частое подьедание какашек друг у друга, невыносимый холод зимой и тяжкий зной летом, это были самые счастливые годы в жизни двух подружек. Любе и Искре повезло: никому – слава собаке-богу! – за все два года не пришлось в голову посадить или рассадить их. Обе они, хоть и не были воспитаны добропорядочными хозяевами, не выли ночью, как другие, не мешали спать уставшим охранникам, работавшим и жившим в питомнике. А часто за вой скучающие по прежней жизни псы, которых легко могли бы забрать только за родословную, попадали под горячую руку. Такова была жизнь в псарне.

Искра тоже чувствовала надвигающуюся катастрофу, поэтому все чаще отказывалась есть, отдавая свою порцию подруге. Люба ела. Голод не тетка, но обязательно в знак благодарности нежно терлась об Искру, чтобы развеселить уставшую, отчаявшуюся, обросшую, словно горная овца, терьершу. Когда однажды в питомник завалилось сразу много людей, которые ходили от клетки к клетке и шумно разговаривали, размахивая руками, Люба и Искра спрятались в дальний угол своей бетонной коморки, боясь сделать что-то не то.

Две девочки подбежали к их клетке и стали дружно и ласково звать собачек подойти. Первой оттаяла Люба, в душе любящая и детей, и игры. Искра же осталась на месте. Дети так крепко обнимали красивую собаку с человеческими глазами, что пару раз Люба взвизгнула от боли, но все равно не отошла от вкусно пахнущих добрых детишек.

Сзади подошел мужчина и сказал:

– Эта не подойдет. Помесь гончих. Ей надо много места и желательно дом, да и выгуливать минимум час. Кто это будет делать?!

Дети стали орать наперебой, что готовы на все условия.

– Нет, терьера – нет, – подошла женщина, всматриваясь в обросшую и запутавшуюся в колтунах Искру. – Во-первых, шерсть, во-вторых, грязь. Ни времени, ни терпения, ни денег на все это не хватит.

– Мы! Мы! Мы будем выгуливать и мыть! – не переставали кричать дети, согласные и на Любу, и на Искру.

– Для гончих нужен дом. Квартира не сгодится, – неустанно повторял мужчина.

– За терьерами нужен уход. Это как третий ребенок. Я не могу! – будто сама себе вторила женщина.

Конечно, ни мама, ни папа Лизы и Вали не знали о том, что у Искры заканчивается срок жизни ровно через тринадцать дней, а у Любы через двадцать пять. Может быть, узнав об этом, они отбросили бы какие-то свои интересы и попытались помочь живым существам вопреки «дорого», «не мое», «мне кажется», «я». Но они не знали эту жестокую правду жизни брошенных собак. А Люба с Искрой не могли им это рассказать. Люди не понимали языка подрагивающих от страха ушей, особого слезливого блеска в глазах, где по слезинкам можно было бы посчитать эти последние деньки. Люди думали о себе и образе своей жизни. Спокойной. Счастливой. Понятной. Распланированной. Это нормально. И Люба с Искрой это тоже, как ни странно, понимали. Может быть, поэтому в этой жизни они родились по линии предка собаки? Что же будет с родителями девочек в следующей жизни?

Впрочем, человеческий взгляд Любы перевесил все минусы на чаше добра и терпения, названные папой и мамой, и уже через час, заплатив пошлину за какие-то бумаги и клятвенно

покаявшись ловцам собачьих душ стерилизовать собаку, семья отправилась домой, по очереди гордо неся нового члена семьи у себя на руках. Люба весила как пушинка.

Искру, как уже стало понятным, никто никогда больше не видел. Потом, когда Люба стала мудрой бабушкой, она надеялась, что, когда ее хрустальные с песчинками часы перевернутся, они с подругой обязательно встретятся и узнают, почему их свела судьба на эти счастливые года. Почему все вышло так, как вышло. Все ответы на все «почему» найдутся, нужно только дожидаться. Люба-бабушка не ошиблась.

Любу привели домой и попытались помыть. Но это оказалось непростым делом. Шланг, вода отныне – но, слава богу, не навсегда, – стали кошмаром для собаки с человеческими глазами. И испытанием для семьи. Но дети обожали Любу, даже с запашком жуткой псарни, оставшейся теперь в прошлом. Мама не теряла надежды – а врачи скорой помощи ее никогда не теряют! – помыть красивую собаку и сделать ее по-настоящему домашней питомицей и любимицей. И родство имен Люда и Люба прибавляло маме надежды.

Папа наблюдал за нервными перебежками Любы из комнаты в комнату в поисках Искры или угла, где приткнуться от страшных новых шумов и запахов, и на пятый день устал повторять про характер гончих и про необходимость пространства для таких животных. Просто вздыхал и тихо терял надежду на то, что собака приживется. В уме стал прикидывать знакомых, у кого имеются дома или дачи, а лучше даже хозяйства, где собака могла бы пригодиться.

После того как Люба от страха и непонимания новых слов про «гулять» накакала огромную плохо пахнущую кучу на белом красивом любимом мамой паласе, привезенном из Турции, который семья тащила в чемодане, пожертвовав личными вещами, мама тоже стала терять надежду, начиная выспрашивать коллег и больных, нет ли желающих на собаку с человеческими глазами.

Мама даже подумывала отдать собаку бабушке Наде: у той имелись и дом, и пространство, и полувековое терпение. Но дедушка Валера, папа мамы, сильно и долго болел, там было бы сейчас не до Любы. Тем более все понимали, что ждать осталось недолго...

Люба старалась как могла, она хотела показаться очень скромной, всегда пряталась под столом, кроватями, забивалась под стулья так, что ее не могли вытащить ни вкусняшками, ни веником. Хотела показаться воспитанной, ела быстро, оглядываясь на домочадцев: никого ли не объедает или не обижает своим чавканьем. Спала мало, торопливо озираясь по сторонам, ожидая, что вот-вот ее отведут назад к Искре. Хотела быть готовой, чтобы не привыкнуть к хорошей сытной жизни. Одним словом, делала что могла, чтоб не быть надоедливой.

Только дети знали, что Люба останется, потому что готовы были уйти из дома вместе с собакой, если понадобится.

И проходили дни, а за ними недели, а потом и месяцы, и семья, несмотря на дополнительные хлопоты, которые, конечно же, отвлекали от рабочих и семейных дел, привыкла и любила Любу, прощая и чрезмерную пугливость, и чавканье, и странные повадки. Полюбили ее человеческие глаза настолько, что не могли больше расстаться с нею. К слову сказать, и Люба слегка отогрелась теплом объятий детей, вкусными обедами от мамы, долгими прогулками по паркам с папой.

И вот, казалось, жизнь вошла в свою колею, как Люба, разлегшись на даче у камина, куда семья выехала на целых две недели новогоднего отдыха, стала задумываться о смысле жизни... И он представлялся Любе странным. Зачем она понадобилась мирозданию? Какой смысл в ее маленькой никчемной жизни? Никакого толка от нее не было.

Скажем, приблудный кот Васька, что являлся периодически, и тот ловил мышей, к тому же его не надо было выгуливать, он жил на улице, так и не пожелав обосноваться в доме в теплой плюшевой будке, что для него купил добрый папа. Ни волос, ни мытья лап, ни косточек вообще не требовал. А вместе с тем помогал. И его за это любили и, конечно же, ценили.

Она же приносила в дом только хлопоты. И отлично это осознавала. Мама и папа любили ее, но занятые своими работами и заботами, порой не замечали собаку под ногами. Хотя с ответственностью исполняли свой хозяйский долг по кормежке и выгуливанию.

Дети очень любили Любу, но, взрослея, они все чаще пропадали с друзьями и в школе. И короткие и теплые объятия напоминали Любе об их привязанности, но времени на нее все-таки и у них не хватало.

Тогда зачем она живет? Не лучше было б оставить ее в псарне, чтобы разделить участь ненужной брошенки Искры? Так было б справедливее.

Люба инстинктивно завывала, вспоминая грязную обросшую терьершу... дорогую Искру. На вой выбежала мама и стала успокаивать Любу:

– Знаю, знаю, ты тоже чувствуешь, что дедушка Валера... был хорошим человеком. Он тебя тоже полюбил с первого взгляда. – Мама присела на корточки и обняла дворняжку с человеческими глазами словно человека, словно друга, надолго повиснув на ее шее, плача об утрате отца.

Всего это Люба не знала, но чувствовала, что нечто странное происходит в семье, приехавшей на дачу поддержать бабушку Надю в ее горе.

Бабушке Наде было очень плохо. Она просто замерла и отказывалась разговаривать и выходить из своей комнаты. Дедушка болел давно, и все подозревали, что этим закончится его долгое покашливание и потеря сил. Но все равно... было трудно привыкнуть, что папы, дедушки, главы большой мирной семьи, больше нет, и он никогда не вернется. Его часы на этой земле остановились, но мерно продолжали тикать там, где времени и пространства уже не существовало.

Люба душой понимала бабушку, потому не лезла к ней в комнату, хотя любила пошляться по дому.

Она теперь часто лежала у горящего камина, в тепле очага было легче думать о своей судьбе. Теперь хорошей и спокойной, но какой-то незаконченной, непонятной.

После трагедии папа с мамой стали чаще уединяться в своей комнате, и мама часто выходила из комнаты с красными мокрыми глазами... Всем совсем стало не до Любы. И когда наступил день возвращения домой, бабушка впервые вышла из своей спальни, чтобы попрощаться с семьей, вынужденной вернуться к обычному образу жизни, школа и работы не могли ждать. И попросила оставить Любу с ней на даче.

– Хоть кто-то со мною здесь останется, – тоскливо сказала бабуля, обнимая собаку. – Да и к тому же собаке здесь лучше, чем в узкой вашей квартире.

Никто не посмел воспротивиться бабушкиной просьбе, и в ее словах действительно имелась правда. Мама с папой даже вздохнули облегченно: меньше хлопот и бабушке так веселее.

Так у Любы началась другая, дачная, жизнь. Сначала бабушка, никогда не имевшая домашних животных, ведь дедушка страдал аллергией на шерсть, как когда-то Любовь Геннадьевна, совсем забыла про Любино расписание и, получив тепленький пахнувший подарочек на пороге, быстро надев теплые валенки, выбежала на улицу и вытолкнула собаку. Стоял мороз, но бабушка честно отдежурила полчаса; для собственного разогрева и нужной для гончих активности, как советовал зять, они с Любой обошли вокруг дачного дома ровно двадцать четыре раза.

На следующий день прогулки вокруг дома повторились, пока бабушке это не надоело, и она, одевшись потеплее, пошла показывать Любе их дачный поселок целиком. Уже через неделю бабушка, забравшись в дальнюю комнату-хранилище, обнаружила старые дедушкины лыжи, которые решила испробовать. Раньше почему-то не хотелось, а сейчас... А сейчас то ли от частых прогулок, то ли еще от чего-то прибавилось сил, и бабушка уже вместо двух прогулок с Любой, утренней и вечерней, прибавляла еще и послеобеденную. Иногда к ним присоединя-

лись бабушкины подруги. А увидев лыжи и вспомнив молодость, яркие впечатления, простые зимние забавы, и те по примеру отыскивали на чердаке свои пыльные. И небольшой компанией с термосами стали отправляться сначала в короткие, потом в более долгие забеги с неизменной спутницей Любой, путающейся под лыжами и ногами, нещадно гоняющей всех лесных белок и смешно лающей на птиц.

Пришла весна. Дача зажила новой жизнью. Приезжающие на выходные дорогие родственники, ставшие для Любы немного дальними, потому что с бабушкой Надей собака познала истинную дружбу... Люба больше не лежала без сна у камина, а спокойно спала с чувством полного удовлетворения и выполненного долга после трех прогулок в день, понимая, что ее миссия на этой земле – выгуливать бабушку Надю, у которой словно открылось второе дыхание во всем. Она решилась взяться за генеральную уборку дома, захламленного вещами еще советского прошлого, заняться огородом, который раньше ненавидела и презирала любое земледелие. В доме завелись гости. Ни один вечер не проходил без дружеских посиделок, общения и чаепития. Дедушка Валера, оказывается, был человеком хорошим, но своеобразным, не любил посторонних личностей на территории. Бабушка же, общительная по натуре, только сейчас дала себе волю пригласить всех и всяких по поводу и без. И Любе доставались все ласки на свете, включая массажи спины и воротниковой зоны. Ну конечно, комплименты про нечеловеческие или очень даже человеческие глаза и необыкновенную красоту.

Однажды, сидя в такой душевной компании у камина, который подогревал подмосковный март, обращаясь к трем подругам, бабушка Надя сказала:

– А знаете, девочки, ведь вот у нас с вами была любовь, а у Любы, хотя она и есть само воплощение любви, ее нет и никогда не было...

– Да что ты такое говоришь, Надюш! Любу твою все любят! Да разве можно ее не любить, она прелесть! – И подруга бабушка Лена погладила собаку, крепко прижав к пышной груди как ребенка.

– Я не про эту любовь... Я про настоящую, – задумчиво проговорила бабушка Надя, глядя в горящий очаг.

– А разве вы ее не стерилизовали? Из псарни нельзя унести собаку без этого.

– Я не разрешила. Родиться на этой земле такой красивой, быть названной Любовью и не испытать любви – тогда не стоило и рождаться... Люба должна полюбить.

– Чудноватая ты, Наденька, – засмеялась бабушка Вера, при этом одобрительно кивая головой, понимая, о чем толкует подруга.

– Я уверена, что у каждого на этом свете есть своя вторая половинка. У муравья, у газели, у крокодила... Иначе бы ничего не вышло, понимаете?! Иначе зачем все это?! Просто так быть?!

Все замолчали, обдумывая слова подруги.

– Ну, по крайней мере, есть смысл попытаться поискать... – одобрила бабушка Женя. – В крайнем случае проведешь случку и получишь Любиных детей, – прыснула она.

И все засмеялись. Но на этом шуточный разговор не закончился.

Уже на следующий день бабушка Надя позвонила внучке, владевшей, как и все внуки современности, гаджетами и «вай-фаями», чтобы узнать ближайшие от дачи адреса псарен и приютов.

– Ведь твоя вторая половинка, вероятно, тоже благородных кровей, должен был бы хлебнуть судьбушки по самые уши, – рассуждала бабушка, советуясь с покорной Любой, счастливой, что с ней ведут беседы, хотя она не понимала, о чем. Но явно это пахло приключениями.

Итак, походы по поиску собачьего принца Любы начались, и, узнав, что подруга не шутила, бабушки Женя, Лена и Вера – как кунаки – тоже вызвались сопровождать свою

любимую питомицу с человеческими глазами. Но задача оказалась более сложной, чем все думали.

Бабушке Наде решительно никто не нравился. Хотя она подолгу всматривалась в каждого кобеля и проверяла его карточку, расспрашивала о деталях жизни, ища сходства с Любиной судьбой.

Как она определяла, что никто не нравился Любе, – оставалось секретом. Ведь бедная собака, поначалу думающая, что ее пришли возвращать в собачий ад, пряталась, артачилась, категорически отказываясь входить в узкий проход между клетками, где выли и лаяли несчастные ее сотоварищи.

Но это было только начало приключений. По ходу посещения кунаки, они же подруги бабушки Нади, сами того не подозревая, осознали, что являются большими любителями животных, в частности брошенных собак, и каждая из них уводила домой маленькую или большую шавку, немытую и испуганную, чтобы сделать своей питомицей и любимицей. Так, в поисках любви, истинной и единственной для Любы, три песика обрели добрых покровительниц и теплые дома, где их приняли как родных.

Но Люба и бабушка Надя все еще не находили того самого, ради которого...

Родные к этой идее отнеслись... ну как бы выразиться помягче, словами: «Хорошо, что папа этого не видит», – говорила мама. «Возраст», – философски комментировал папа. «Клево!!!» – радостно кричали дети, еще больше восхищаясь своей необычной, потрясающей, ни на кого не похожей бабулей.

Однако, несмотря на таимые упреки и непонимание, в глубине души все были счастливы, видя бабушку в добром настроении, похорошевшую и посвежевшую с появлением в ее жизни Любы и этой странной затеи.

Наконец, приюты и псарни поблизости закончились, и дружной команде спасателей и приверженцев истинной любви пришлось выехать в другой округ большой и необъятной столицы нашей родины.

На эти поиски уходил целый день, но хорошо заготовившись бутербродами и термосами, неутомимая бригада дружной веселой компанией бабушек, которые совсем не походили на бабушек, и собак, которые были скорее друзьями, чем просто животными, весело преодолевала пробки и дороги.

Однажды они случайно набрали на очень дальний, заброшенный вольер с собаками, судя по всему приготовленными на забой, так как мест в питомниках не хватало. Сюда даже не заглядывали волонтеры, с которыми перезнакомились бабулечки за время поиска любви для Любы. И неожиданно сердце бабушки Нади ёкнуло около одной клетки, где сидели две собаки: одна радостно подбежала, подпрыгивая, увидев посетителей, а другая равнодушно осталась лежать в дальнем углу. Было видно, что вторая собака ранена или тяжело больна, но виду не подавала, не скулила и не пряталась. Просто смотрела.

– Смирный как солдат, – произнесла бабушка Надя, не обращая внимания на прыгающую рядом собаку, вообще ни на кого не обращая внимания.

Подошел охранник, сам похожий на брошенного пса, и рассказал, что Льюиса привели хозяева, переезжающие за границу, куда они его забрать не могли. Сам по себе пес породистый и даже с характером, поначалу он кочевал из клетки в клетку, где бился насмерть со всеми; единственный, с кем уживается, это Ветерок. Да и то, пока не заживут раны, наверное.

– Никак не привыкнет к новой судьбе. Так и помрет непривыкшим, – тяжело констатировал охранник Федор.

– Мы его забираем! – холодно сказала бабушка Надя, доставая приличную сумму на выкуп и телефон. Она звонила папе, чтобы тот срочно выехал за Льюисом.

– О Господи! Только Льюиса нам не хватало, – незлобно ответила трубка голосом папы, пообещавшим быть в течение часа.

А потом начались звонки по дружным контактам волонтеров, которые тоже прибыли в течение часа, и все прибывали и прибывали, прознав про заброшенный вольер с никому не нужными собачьими жизнями и душами.

– Не бойтесь? Покусает вашу сучку. Глаз вырвет. Он доберману вырвал, – переживал Федор от похвального подношения к его труду.

– Это ж его любовь. Может, сразу и не признает, но потом обязательно все будет хорошо. Как в сказке, – обнимала за плечи бабушка Надя чуть обалдевшего от таких слов Федора. И на радостях всем бабушкиным хором они пригласили его отобедать у них в деревне за славную работу и самоотверженность, что, несмотря на отсутствие финансирования, не бросал исполнения ни служебного, ни человеческого долга, хотя уже полгода задерживали зарплату. Федор расчувствовался от такой теплоты и пустил слезу. У него была собачья жизнь. И он был виноват в этом. Но доброе отношение делает чудеса даже с самыми черствыми и сухими сердцами на свете. Хмурое лицо охранника просветлело. Этим днем собаки, проживающие в вольере, не получили холодного душа с напором из неумолимого шланга.

Люба, к слову сказать, не обратила внимания на раненого кобеля, собственно, как и на радостного, которого уже через час радостно куда-то уводили волонтеры.

– Еще бы, лабрадоры такие дорожные! Ведь они настоящие друзья человека! Ребенка воспитать могут! Его б в другом питомнике в первый же час с руками, то есть с лапами, оторвали, – удивлялась бабушка Вера.

– Льюис! Льюис! – позвала бабушка Надя, но собака не двинулась с места, продолжала лежать и безучастно взирать на людей. – Солдат! Иди сюда! – позвала она еще раз, на ходу придумав прозвище, и заметила, как заблестел глаз у собаки, будто она попала в точку. – Солдат, ты можешь идти?

Собака немного затряслась, пытаясь встать на ноги, и медленно, все же не меняя выражения морды, двинулась к новой хозяйке.

– Молодец, мальчик! Сейчас мы тебя заберем домой и подлечим. А потом уж ты влюбишься в нашу Любу.

– А он красивый! – восхищались подруги, подбадривая ничего не понимающую Любу, теребя ее за холку. – Смотри, какой благородный и сильный духом, даже не пискнул. А ранено так сильно.

Льюис, или теперь Солдат, относился к породе собак молчаливых, но пытливых. Сразу сообразил, что судьба его меняется, причем самым невероятным образом, и что нужно ей поддаться, даже если этап отчаяния и мук давно прошел, и надежды выгорели дотла. Но только настоящий солдат живет и надеется до конца. Не разрешая перегореть сердцу, оставляя последнюю каплю надежды на спасение.

– Потому что, пока ты жив, есть надежда, да, мой хороший? – погладила бабушка Надя смиренную собаку и разрешила зятю уложить раненого на заранее разложенный плед и подушки.

– Так Луис или Солдат? – не понял папа.

– Какой к черту Луис?! – смешно возмутилась бабушка Надя. – Много ты видел в Подмосковье Луисов, а кровью солдатской вон почти до Москвы залито.

– Ой, ну и выдумщица вы, мама! – смеялся папа, инстинктивно понимая, что начинается новый этап в жизни семьи. И будучи абсолютно спокойным за душевное счастье тещи, а значит, и жены, и детей, и свое (!) повез всю бригаду лечиться на дачу.

Группа бабушек, их питомцев, волонтеров еще долго не расходилась, составляя план спасения оставшихся живых душ.

Папа был мудрым человеком. У него в компании трудилось почти пятьсот человек, большая половина которых числилась женской. И человеку, терпевшему такое безобразие, нужно

было ставить памятник при жизни. И это делали не раз, восхваляя работодателя в дни, посвященные тому, а также во внеурочные выходные и даже в святой день Восьмого марта. Поэтому папа правильно почувствовал, что, несмотря на континентальные конфликты, мировые кризисы, разруху и просто разнообразные житейские трудности, в его семье, большой и дружной, жили мир и порядок. И это странным, нелогичным образом являлось следствием того, что его семья в лице питомцев ширилась и ширилась.

– Наверное, Люба с Солдатом нам карму чистят... – говаривал папа современным языком, понабравшись от детей, разбирающихся теперь и в карме, и в политике, и во всем на свете, сидя у камина и наблюдая за жизнью собак – вечно радостной Любой и смиренным, но довольным Солдатом, который, конечно же, расцвел после лазарета и кормежки по специальной диете бабушки Нади.

– Красивый пес, спокойный и умный, – констатировал папа. – Интересно, какие щенки получатся? И главное, как мы их будем раздавать. Они ж не будут у нас все...

– Боюсь, Витя, – обнимала мама папу, обхватывая за широкие плечи, – что миссия Любы на этой планете, – цитировала мама, то ли услышав мысли Любы, с появлением Солдата вообще не задумывавшейся о смысле жизни (кстати, первый признак абсолютного вселенского счастья!), то ли подслушав философские чаепития маминых подружек, – не только выгуливать бабушку Надю и делать счастливым Солдата, но и снабжать нашу семью новыми чистильщиками кармы...

Бабушка Надя абсолютно не прислушивалась к разговорам домочадцев (кстати, второй признак вселенского счастья!), а летала по дому на своей волне, напевая под нос. И это был третий признак очень счастливого человека. Ведь сегодня у старшей внучки был день рождения. Восемнадцать лет! И Варечка выбрала денек в своем загруженном календаре, распланированном на молодые года вперед, провести его в семье на даче. Первый признак взрослого человека. А может, ей просто нравилось справлять свой день рождения только с самыми близкими.

– Варя, – внимательно посмотрела на внучку бабушка Надя. – Когда мне было восемнадцать лет, я вышла замуж за дедушку Валеру. Он был тот еще фрукт! Ну ты знаешь... Но любила я его крепко. Потому что знала: никого другого не хочу видеть рядышком с собой. Я ведь тоже тот еще фрукт! Он был и есть моя вторая половинка. Поэтому от души желаю тебе когда-нибудь найти твою вторую фруктовую половинку, осчастливить его сначала своей красотой, добротой, ну и богатством. Ты у нас девушка с приданым! А потом осчастливить себя, его и нас красивыми, здоровыми, добрыми детишками. Пусть у тебя родится целых три дочки, и одну из них назови Любава... Я уверена, она обязательно станет писательницей, даже если будет работать бухгалтером. И пусть напишет сказки про меня, про Любу, про Солдата, про дедушку Валеру, про войну, где погибли мои мама и папа. Про то, какие мы все хорошие и счастливые, что сейчас нет войны. Нам всем будет очень приятно читать эти сказки.

Конец

«Магазинчик мадам ФуФу»

Никогда не верьте тем, кто утверждает, что гениальное просто и похоже на бутерброд с маслом. Все настолько сложно и запутанно, ставки постоянно повышаются, черное становится белым, и наоборот, – но именно по этому становится так интересно жить. Ведь если ты дойдешь до конца...

Все заходили в магазин мадам ФуФу, даже те, которым он откровенно не нравился и которые, уходя, неприятно стучали дверью, всегда с одними и теми же словами:

– Зачем эти штуки?..

Некоторые, более словоохотливые, добавляли:

– Зачем нужны куклы? Куда ставить это барахло и пылесборники?!

– Да и что за удовольствие на них смотреть?!

– С чем их вообще едят? Небось, на хлеб-то она их и не намазывает?! – махали кулаками в витрину балаболки и болтуны, не смея и пальцем тронуть намытое до прозрачности стекло, ибо в том месте, где они жили, законы принимались суровыми, но справедливыми. За причинение ущерба дебоширам полагалось на целых три месяца наниматься к пострадавшему лицу и бесплатно чинить и намыывать поврежденный предмет.

Три месяца каждый день (кроме суббот и воскресений, конечно же) проводить среди кукол! Немыслимое сумасшествие!!! Поэтому стекло не только не ломалось, но даже не успевало заляпаться от прикосновений зевак и прохожих.

Но появлялись и другие, пусть и редкие, посетители. Они специально ехали издалека, проводя ночь в поезде, и совсем не для того, чтобы посмотреть на прекрасный городской рынок, куда неизменно по субботам и воскресеньям местные селяне свозили всякую всячину.

Давайте немножко отвлечемся от повествования, ибо такая деталь как городской базар, стоит внимания, поверьте.

Рынок являлся знаменитым событием, и о нем слыхивали даже в других регионах. На деле он представлял собой настоящее светское мероприятие, к которому горожане и приезжие готовились заранее, выглаживая празднично-выходную одежду, чтобы показать себя и, как водится, посмотреть на других. И за разговорами (конечно же, тоже светскими!) перепробовать тут же вкусную всячину, запивая душистым кофе или чаем. О боги! Какие же деликатесы привозились! Например, аппетитные куски вяленого мяса, мастерски – и даже артистично – подвешенного под потолки разноцветных шатров. Многие художники, прогуливаясь с семьями по рынку и не устояв перед искушением выразить свои высокие порывы, бросали дела и домочадцев, чтобы тут же неподалеку усесться с мольбертом и запечатлеть во всей красе натуру морте.

Особые любители изысков приезжали испробовать разнообразного ароматного сыра – настолько ароматного, что иногда думали, что где-то рядом прорвало канализацию.

Некоторые стремились прийти пораньше, чтобы застать еще спящими свежих устриц, прошедших ночь во льду и слегка примерзших. Их приходилось будить капелькой лимонного сока, и в ответ проснувшиеся сопливые создания начинали истошно пищать. Правда, обычно их никто не слышал.

Наконец, все-все ожидали появления гвоздя программы, коим являлся огромный, дышащий теплом древесной печи бутерброд из хлеба желудевой муки (который совсем не полнил фигуру, в отличие от любого другого сорта муки – так, по крайней мере, судачили в городе, хотя это были непроверенные слухи), намазанный сверху идеальным слоем желтого мягкого душистого козьего сыра, припущенного щепоткой морской соли среднего помола и веточкой петрушки.

Какое же это было объедение! Вдыхали о нем и стар и млад, особенно девицы от шестнадцати лет, у которых, начиная с четырнадцати, мысли кружились лишь вокруг духаов, чулок, фигур и женихов. Но и они не сдерживали порыв откусить своими белыми зубками и алыми губками кусочек неземного кушанья!

Козье масло так художественно таяло на теплом желудевом хлебе, будто невидимый художник живыми жирными мазками рисовал картину. И все до единого прикрывали глаза от блаженства, смакуя моменты счастья.

Глядя на эти искренние эмоции, становилась удивительно очевидной истина: в большинстве своем людям очень мало нужно для счастья... Согласны? Особенно если все живы и находятся в добром здравии. Наверное, поэтому бутерброд имел такой успех.

К слову, многие пытались сами печь желудевый хлеб, благо дубовых рощ в округе хватало, и взбивать из козьего молока волшебное масло. Но в конце концов бросали это дело, списывая волшебство вкуса бутерброда на то, что художники, то есть пекарь Эндрю и молочница Мэри, так любят друг друга, что эта их любовь творит настоящие чудеса с мукой, дрожжами, козой Фионой и видом этого чудесного творенья рук человеческих.

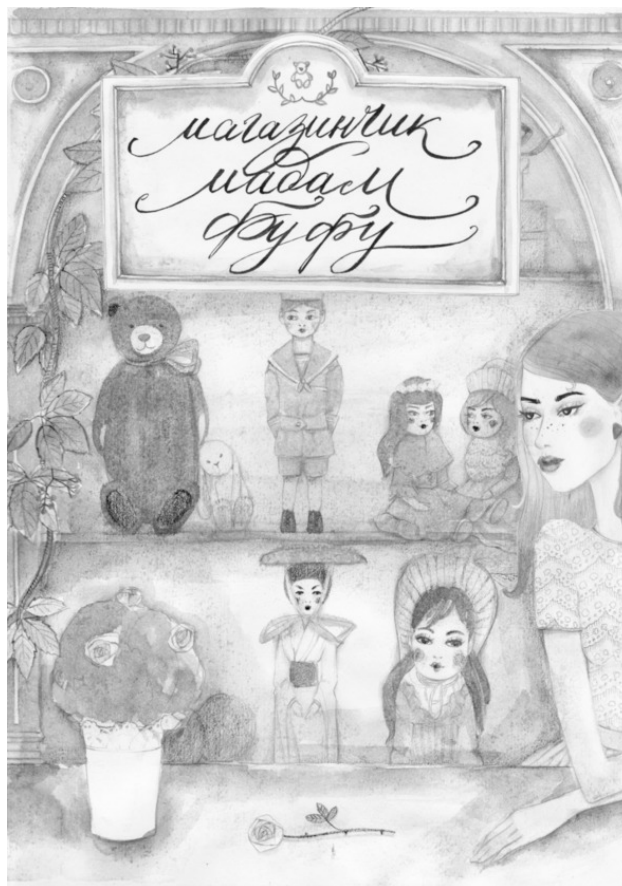
Они полюбили друг друга с самого детства и сразу же решили быть вместе. Повзрослев, они не изменили своего решения, хотя умные люди, прожившие в браке немало лет, знали, что подобные отношения, на первый взгляд кажущиеся легкими и гармоничными, таят множество подводных камней. Нужно иметь огромную смелость для подобных поступков.

Просто с самого начала Эндрю и Мари договорились во что бы то ни стало бороться за сохранение любви: потратить все силы на мир, а не на поиск нового жениха или невесты. Этому правилу их научили родители, прожившие вместе ни много-ни мало сто лет, а тех, в свою очередь, их родители... Но это совсем другая история.

Вернемся же к мадам Фуфу, которая, кстати, тоже позволяла себе бутерброд с маслом из молока козы Фионы, но исключительно по понедельникам, вторникам и средам – дням, когда неделя только начиналась и нужно было подбодрять себя маленькими подарочками и премиями. К счастью, пекарь и молочница, а также задиристая коза Фиона, жили по соседству и являлись хорошими приятелями мадам, поэтому не было необходимости запасаться «премиальным» провиантом с субботы или воскресенья. Масло и хлеб доставляли по первому дружескому зову.

Так вот именно по этой причине, – неземного вкуса бутерброда, рожденного любовью двух молодых и верных сердец, – жители, с неприязнью относившиеся к магазину, недоумевали, зачем тот сдался Фуфу, за счет каких продаж живет и кому интересны эти глазастые антикварные ужастики.

Антикварные куклы и в самом деле находились в плачевном состоянии и порой наводили ужас, напоминая монстриков с облупившимися глазками, свалявшимися от времени волосиками и в старой оборванной одежде.

– Какая мерзость! – кричала мадмуазель Зизи, отличавшаяся очень тонкими губами на фоне желтого цвета лица.

– Она злее дьявола, – возмущалась пухлая мадам Додо, еле протискиваясь в дверь антикварной лавки, чтобы выйти.

– Она несет беду, – каркала вдова Лими, находя в образе куклы черные знаки будущих несчастий.

Правда, на эти еженедельные причитания (а тетушки и вдовы городка не забывали навещать магазин каждую неделю, следя за новинками и распродажами) мадам Фуфу лишь пожимала плечами и, вновь погружаясь в свои облачные раздумья розового оттенка, с улыбкой уносились в мечты.

– Как вам не обидно, мадам? – удивлялась за хозяйку соратница по кукольному делу мадмуазель Мими.

– Фу, Мими, – отмахивалась мадам Фуфу, – если обижаться на всех зевак и бездельников, то терпения жить не хватит, и будешь молить небеса о прекращении жизненного пути в этом тленном теле, – с этими словами она отряхнула рюшки на юбке от несуществующей пыли.

– Ох, небеса! Только не это, – взмолилась Мими, которая планировала в следующем году выйти замуж. Подготовка уже шла полным ходом, и смерть была бы сейчас ой как некстати.

– К тому же, дорогуша, мне некуда деваться из этого городишки, вы же знаете магические оковы, сдерживающие мое существование. И если я стану на всех обижаться или кого-то недолюбливать, наш милый райок превратится в адок, – хитро улыбнулась мадам Фуфу, сверкнув глазами, из которых посыпались мелкие искорки. А потом посерьезнела. – Знаю, что над мадмуазель Зизи все посмеиваются из-за ее тонких губ и огромного самомнения, вот она и злится, что не имеет веса в обществе. А ведь это совершенно лишено правды: если бы она перестала

столько думать о смешках, своих тонких губах и уязвленной гордости, то обязательно бы обратила внимание на ухаживания Виктора, сына печника.

– Здоровьяка с очень пухлыми губами, – захихикала компаньонка, выпятив нижнюю губу.

– Да-да! Шутка природы, моя милая. Она, выдумщица, всегда нам придумает особые забавы... или капканы, – и мадам опустила глаза, вспомнив нечто личное. – У мадам Додо из-за лишнего веса проблемы с селезенкой, которая ежечасно болит, и поэтому она не может позволить себе больше ни утиного паштета, ни гусиного фуа, ни бутерброда с козым желтым маслом... И оттого стала злее собаки.

– И толще слона. Ай-ай-ай, – жалела бедную женщину Мими.

– А вдова Лими мается тем, что из-за мрачного характера ее недолюбливают родственники и не приглашают на веселые праздники, где она обычно сидит, похожая на грозовую тучу.

Мими поддакнула, вспомнив одну такую свадьбу, на которой присутствовала с кислым, как квашенная капуста, выражением лица гостя в черном.

– Зато как красиво поет мадмуазель Зизи, особенно на своих именинах, когда у нее хорошее настроение от полученных подарков, – похвалила мадам Фуфу.

– А какие пироги с кленовым сиропом печет мадам Додо, – мечтательно вздохнула Мими.

– И нет никого лучше, чем вдова Лими, в вопросах выведения папиллом и бородавок! – вспомнила хозяйка.

– Это точно! – подтвердила девушка, как вдруг в магазин зашел посетитель.

А точнее, посетительница. Милая дама в фиолетовом шелке и кружевах, держащая в руках старую красивую коробку для кукол фабрики Грандидофф.

– Приветствую, вас. Чем могу помочь? – обратилась мадам Фуфу к посетительнице, а Мими поспешила внутрь, чтобы продолжить реставраторские дела, которые были отложены на некоторое время ради дружеской беседы.

– Мне ваш салон посоветовала мадмуазель Ваниль из городка за рекой. Она была крайне довольна и реставрацией, и тем, как точно вы передали послание ее бабушки.

Мадам Фуфу кивнула, вспомнив немецкую куклу мальчика-моряка. На реставрацию ушло почти три месяца ежедневного кропотливого труда, зато результаты превзошли все ожидания. Были разгаданы секреты старого адмирала, который попрятал сокровища, сам не помня где, и внезапно отправился на тот свет, чем лишил бы семью крова и дохода если бы не мадам Фуфу и ее знания в области контакта с духами.

Вы, читатель, в этот момент, конечно же, воскликните:

– Мой бог, постойте-постойте! Чем-чем занималась мадам Фуфу?! В каком колледже учились? Что за профессию получила?

Все очень просто, друзья. Эжени Фуфу работала медиумом.

– Фу! – воскликнете вы, и мурашки враздробь, разноголосым стадом с воплями ужаса разбегутся по вашему телу. Но прежде чем захлопнуть это повествование, прочтите историю сосуществования видимых и невидимых миров, про которые знали и до сих пор знают посвященные. А потом будете ужасаться... или, может быть, история расставит кое-что по полочкам и в вашей жизни.

После того как бессмертные придумали смерть, передав законы перерождения в руки самых мудрых членов семьи, чтобы те следили за правилами перехода, боги удалились на заслуженный отдых. И все шло как по маслу – может быть, тому самому козьему маслу, взбитому нежными, но твердыми ручками молочницы Мари... Ведь никогда наверняка не знаешь что было изначально: масло или Вселенная? Вселенная или масло? Масло может закончиться, а Вселенная? Вряд ли, ведь она бесконечная и безначальная, поэтому вполне может стать, что происходит из божественного масла и похоже на него по структуре и форме завитка, срезанного специальным ножом для бутербродов... Но масло само часть Вселенной, а значит,

и оно не закончится никогда. То есть коза Фиона будет щипать трын-траву и давать самое жирное в городе молоко всегда, а из него Мари, даже если пройдут миллионы миллиардов секстиллионов трындвадциклов лет, не перестанет делать своего волшебного масла, вкус которого раскрывается только на теплом багете из желудевой муки пекаря Эндрю. И стоит только знать координаты этой невидимой, но существующей реальности, чтобы спокойно с утра понедельника отправиться отведать самого прекрасного во Вселенной бутерброда... На чем? Да хоть на воздушном шарике, он тоже является частью Вселенной.

Но вот случилась одна неприятность, и все пошло кувырком. Люди стали забывать не только законы перерождения, но даже свои корни и связи. Целую планету – а некоторые поговаривают, что и всю галактику – охватил невиданный доселе вирус.

«*Вирус единоличный эгоистичный обыкновенный*» – так его называли специалисты, прописывая отвар чая из ста горьких растений, в числе которых значилась кора дуба, из желудей которого Эндрю пек свой хлеб. Похоже, именно по этой причине вкусившие прекрасный бутерброд становились более дружелюбными, добродушными, внимательными друг к другу, за светскими разговорами делясь ценной для каждого человека информацией о своих корнях и традициях, находя их похожими и даже родственными.

Однако угасание глобальной памяти и, по этой причине, разложение общества приводили к неумолимому результату. К наступившему веку многие не знали ни своих истинных фамилий, ни имен духовных, ни сакральных, не говоря уже о вечных, которые запрещено было произносить вслух... позабыли отчества и обережества, откуда кто родом и кто кому кем приходится, теряя при этом цели и смысл жизни. Ведь все взаимосвязано! И эта прерванная цепь связей приводила к раздору, расколу, непониманию и, что хуже всего, затяжным войнам, порой между родными друг другу людьми.

Усложнял задачу разрекламированный газетами и журналами туризм и легкий образ жизни, приводящие к перемешиванию родов и падению нравов... до такой неузнаваемости, что отправляясь в мир иной, люди, пронзенные целительным белым светом, должны были очищаться от ненужных, налипших желаний счастливую бессмертную сущность и попадали на прием к богам, составляющих суть света, неподготовленными. Не знали ни славы, ни молитв, ни приветствий. А самое главное, были не в силах членораздельно объяснить: кто они?

Самые частые ответы, вводившие в ступор даже бессмертных богов, давно вернувшихся с отдыха и узревших невиданную картину хаоса у себя во владениях, являлись следующими:

– Я Баси, всегда хотела быть счастливой...

– Почему не стала? – с пристрастием просматривали боги хронику жизни Баси и видели, что девушка потратила силу дарованного отростка жизни в этом прекрасном теле на уныние и жалобы, прикрываясь разными мелкими ошибками других людей и обстоятельствами, допуская свои промахи, потворствуя лени и страху.

– Хорошо, но кто ты? – не унимались дотошные боги, желая найти для Баси подходящий уголок во Вселенной, где бы она наконец обрела искомое счастье.

– Я... девушка... – неуверенно отвечала та.

– Это мы видим, – начинали сердиться боги. – Но кто ты?

– Я... работала в конторе, перекладывала бумажки из одной стопочки в другую...

Боги непонимающе переглядывались, вопрошая в сотый раз:

– Но кто ты?

– Я... я... я Я.

– Понятно, Вирус единоличный эгоистичный обыкновенный, – кивали они понимающе и возвращали потерянную душу на землю для ожидания.

Таким образом родилась целая профессия медиумов, в числе которых была и Мадам Фуфу, прикрепленная к округу междуречья до самых зеленых холмов (за холмами трудилась мадам Фифи). Она должна была пристраивать бесхозных духов и душ, призраков и даже бара-

башек в разные семьи, находя им новые тела. Медиумы обычно предлагали несчастным переселиться во что-либо более материальное, пока не вернется память, или знание, или понимание смысла существования.

Конечно, правительства многих стран, видя колоссальное количество неупокоенных и неустроенных душ, бывших когда-то их гражданами, исправно платившими налоги, тут же принимало меры по воссоединению семей, родов, кланов, общин при жизни. Составлялись серьезные программы, проводились масштабные фестивали и консилиумы, выдавались гранты. Но для многих время ушло безвозвратно. Хорошо хотя бы то, что во Вселенной – в большинстве ее миров – не существует времени, и несчастные потерянные души имели все шансы спокойно, без спешки вспомнить, кто они и зачем родились, выбрав в виде своего временного пристанища, например, образ куклы. Часто из ностальгии они поселялись именно в свои старые игрушки.

Привязываться же к живым, то есть вселяться в качестве тени в чужой организм было категорически запрещено, ибо каждому полагалось лишь одно-единственное неповторимое тело, а значит, и один ответ на самый главный вопрос, который зададут боги, чтобы понять, куда отправить бессмертную душу: в локи высших или опять на землю, для «дозревания». Иначе случались переплетения и разные неприятности. Этим, к слову, также занималась мадам Фуфу, развязывая узлы и распутывая души, в воспитательных целях перемещая безответственных в специальные вазы и даже камни, подальше от человеческих глаз. Так и стояли они одиноко, огромными валунами, разбросанными под луной и солнцем, не понимая, кто они и почему еще живы.

– Прапрабабушка Ольга совсем не хочет менять сосуд. А кукла так истрепалась, что ее страшно держать в руках: вот-вот рассыплется. К тому же гости жалуются на вид, наводящий жуть, – сетовала посетительница. – Может, найдете какое-то решение? Пластик? Каркас? Новое тельце?

– Ох уж эти прабабушки, – хозяйка достала из ящичка очки и принялась изучать бумаги, прилагавшиеся к кукле. – Но ее отросток жизни почти истек. До перерождения осталось ждать 68 дней, 4 часа, 3 минуты и 12 секунд. Нет смысла отдавать несчастное тряпичное создание на реставрацию, которая продлится не меньший срок. Да и вам в вашем положении уже тяжело и вредно будет проделывать такие путешествия, – с приятием посмотрела на ожидающую пополнения посетительницу мадам Фуфу.

Молодая женщина покраснела.

– Понимаете, прапрабабушка пожертвовала своей жизнью ради детей. Шла война, дедушка погиб в первые же дни, она осталась одна и много трудилась на заводе, лишь бы принести своим детям кусок хлеба и помочь родине. И несмотря на кошмарные обстоятельства – о них мы всегда вспоминаем в родительские дни – она выжила, дала всем кров, образование. Весь род поклялся всегда помнить подвиг прародительницы, и эта традиция передалась мне. Очень хочется исполнить любой каприз прапрабабули.

– Да, раньше жили настоящие герои!

– Прапрабабушка Ольга – русская по крови, – продолжала повествование молодая дама, – при жизни слыла писаной красавицей, могла бы спокойно уехать и бросить все, хватало и предложений, и вариантов. Но она этого не сделала.

– Да, в те времена так поступили многие сильные духом, умеющие жертвовать собой ради любви. Благодаря им мы до сих пор живы, – кивала мадам медиум, поглаживая старую полуразвалившуюся куклу, в которой по странной случайности до сих пор теплился осколок чьей-то души. – Эти русские – удивительные люди. А их женщины – особенные красавицы и умницы.

– Да! – согласилась гордая за свои корни посетительница.

– Не беспокойтесь, мадам. Спокойно езжайте домой и ждите рождения чудесной малышки. Уверена, она будет невероятной красавицей, но теперь, с вашей помощью, уже с более легкой судьбой. Она ее заслужила.

– Мадам, у меня остался еще один вопрос, – умоляюще сложила руки женщина. – Какое имя выбрала бы для себя прапрабабушка, чтобы оно лучше всего соответствовало ее миссии на этой земле? Могли бы вы уточнить у куклы?

Фуфу призадумалась, положив руки на бесцветные глаза куклы. Так прошло какое-то время, пока, наконец, прапрабабушка не переместилась из невидимого мира – того самого, где каждый день доили Фиону и пекли хлеб из желудевой муки – невидимым и неслыханным дуновением, чтобы добродушно согласиться с любым выбором праправнучки.

– Замечательно! – воскликнула молодая женщина, захлопав в ладоши. – А то мне так нравится имя Баси. По-русски – Василиса. Но я боялась, что прапрабабушке оно придется не по вкусу.

Мадам Фуфу таинственно заулыбалась, а потом позвала мадмуазель Мими.

– Надо вызвать из далекой невидимости потерявшуюся Баси. Помните такую, дорогая? Она живет в винтажной кукле у семьи Буракофф. Девушка будет счастлива воплотиться в этом мире, да еще в такой замечательной семье. Я пойду договариваться, а вы огласите мадам...?

– Нонель, – представилась довольная молодая женщина.

– Огласите мадам Нонель замечательную возможность заполнить слои души будущей малышки списком достоинств девушки Баси, давно ожидающей шанса проявить себя в качестве хорошей дочери, ласковой матери, доброй жены, верной подруги, добродушной хозяйки и прочее.

Ведь чем глубже, интереснее, опытнее душа, нарастившая мудростью не одну оболочку, имеющую доступ в разные миры Вселенной, тем большим количеством талантов будет обладать будущий человек. Таким образом, медиумы старались объединить потерявшихся, но уже подготовленных к правильной жизни духов в новые роды. По сути все мы между собой родственны и объединены одной и той же целью: жить, жить, жить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.